

Антоний (Храповицкій), архим. Слово в день Покрова Пресвятыя Богородицы: [Произнесено в 1894 году в академической церкви] // Богословский вестник 1894. Т. 4. № 11. С. 213–221 (3-я пагин.).

Слово на Покровъ Пресвятыя Богородицы *)

Съ какими мыслями и чувствами, возлюбленные, должны мы проводить сей священный день нашего храмоваго праздника? Конечно прежде всего съ тѣми, которыя приличествуютъ каждому христіанскому празднику, но кромѣ того, и съ нѣкоторымъ особеннымъ настроеніемъ соотвѣтственно нарочитому значенію прихода академической церкви.

Когда Господь съ горы Синайской призывалъ народъ Свой оставить Египетское нечестіе и чрезъ исполненіе заповѣдей Его приближаться къ грядущему искупленію и возвращенію райскаго блаженства въ вѣчномъ единеніи съ міромъ небеснымъ: тогда Онъ повелѣлъ посвящать Себѣ седьмой день недѣли и нѣкоторые установленные дни года, чтобы хотя въ эти краткіе сроки, хотя отчасти переживать то святое настроеніе близости къ Богу, которое бываетъ доступно человѣку въ молитвѣ при освобожденіи отъ суеты дѣлъ его, принижающихъ духъ и притѣпляющихъ его къ земной персти. Въ эти дни бѣдный осуетившійся народъ воспоминалъ то блаженное время, когда міръ сей, еще свободный отъ плачевныхъ послѣдствій его произвольнаго паденія, во всей своей богозданной красотѣ предстоялъ всевидящему оку Творца своего, почившаго отъ дѣлъ творенія въ день седьмой и увидѣвшаго *„вся елика сотвори, и се добра зъло“* (Быт. 1, 31). Въ эти святые дни седьмые, когда богатые и бѣдные, рабы и свободные одинаково покоились отъ суеты дѣлъ своихъ и любовь Божія открывалась въ святыхъ дѣлахъ взаимнаго прошенія, благотворенія, гостепримства и общихъ молитвъ, у людей прояснялась совѣсть и они, сравнивая дни посвященные Богу съ обычными днями нужды

*) Произнесено въ 1894 г. въ академической церкви.

и взаимной борьбы за наживу, проникались самоукорепіемъ и жаждой лучшей обѣщанной въ будущемъ жизни въ истинномъ и непрерывномъ субботствѣ, въ полной близости къ Господу, которую предвозвѣщаль законъ и пророки.

Обѣщанія ихъ исполнились. Христова страсть и воскресіе возвратили вѣрующихъ къ тѣснѣйшему общенію съ Господомъ, но путь къ сему общенію намъ указанъ въ подвигѣ и борьбѣ, въ крестоношеніи по образу Подвигоположника. Посему уже не суббота и новомѣсячіе, но Его спасительное воскресеніе и прочія чудотворныя дѣянія Его и Его святыхъ послѣдователей служатъ къ нашему духовному просвѣщенію, утѣшенію и ободренію. Святая Церковь въ умилительныхъ пѣснопѣніяхъ, молитвахъ и священнодѣйствіяхъ научаеъ насъ въ эти дни переноситься къ стопамъ Господа, жившаго на землѣ между людьми, къ дѣламъ и подвигамъ Его угодниковъ, побѣдившихъ міръ вѣрою и любовью и къ явленіямъ Пречистой Матери Его, защищавшимъ людей отъ гибели и паденій.

Добрые богомольные христіане издревле услаждали души свои этими священными воспоминаніями. Годичный кругъ былъ для нихъ какъ бы свѣтящимся церковнымъ небомъ, сіяющимъ звѣздами радостныхъ празднествъ. Не только въ эти священные дни отрѣшались они отъ заботъ земной жизни и молитвою очищались отъ своихъ прегрѣшеній, но и дни труда и будничныхъ занятій своихъ святостили или воспоминаніями праздника прошедшаго или ожиданіемъ грядущаго, постоянно повторяя пріуроченныя къ нимъ молитвы и пѣснопѣнія. Послѣднія для нихъ были, да и теперь остаются для истинно вѣрующихъ, какъ бы небеснымъ окликомъ, какъ бы постоянно повторяющимся призывомъ отрѣшиться отъ суеты страстей и грѣховнаго нечувствія и возноситься духомъ къ Богу и друзьямъ Его, къ святости евангельской жизни.

Особенное, исключительное значеніе имѣетъ для добраго христіанскаго братства праздникъ престольный. Это есть тезоименный день той или иной мѣстной церкви, воинствующей подъ знаменемъ святаго угодника Божія или воспоминаемаго событія милости Божіей. Въ день праздника своего каждый приходъ торжествуетъ свое избранничество въ стадо Божіе не по заслугамъ своимъ, но единственно по милосердію Господню предназначенное; благодарить Со-

здателя о дѣлахъ благодати Его, явленныхъ въ мимошедшемъ лѣтѣ приходской жизни и оказываетъ гостепріимную любовь ближнимъ своимъ, а бѣднымъ поставляетъ трапезы.

Теперь, возлюбленные, спросимъ сами себя, проникнуты-ли мы, братіе святаго храма сего, тѣми возвышенными чувствами общенія съ Богомъ и небесами во дни торжествъ св. Церкви и наипаче въ престольный праздникъ нашего академическаго прихода, тѣми чувствами пламеннаго благодаренія и умиленной молитвы, которыми богатъ предстоящій здѣсь православный народъ нашъ, столь возлюбившій нашу церковь за тѣ немногія крупицы духовнаго хлѣба, которыя здѣсь подаются ему *отъ трапезы господей своихъ* (Мо. 15, 27), или напротивъ многіе изъ насъ съ тою-же безразсудною неблагодарностью отвергаются званія Божія, какъ нѣкогда неразумные іудеи и являются въ очахъ Христовыхъ столь-же скудными вѣрою въ сравненіи съ предстоящими здѣсь смиренными простецами, какъ тотъ-же Израиль въ сравненіи съ вѣрующей женой хананейской? Поистинѣ, вспоминая высокое назначеніе наше и нашу малодушную разсѣянность должно сказать то-же, что древній пророкъ отъ лица своего народа: „*Тебѣ Господи есть правда, намъ же стыднѣе лица*“ (Дан. 9, 7).

А между тѣмъ, какой высокій источникъ духовной радости открывался бы намъ въ день праздника нашего христіанскаго братства, еслибы мы стояли на высотѣ сего призванія—быть *свѣтомъ міру и солью земли!* ибо всѣмъ извѣстно, что русская церковь и богословская наука только въ четырехъ Академіяхъ почерпаетъ своихъ высшихъ служителей и на нихъ взираетъ, какъ на надежду своего процвѣтанія. Посему, когда совершается праздникъ Академіи и молитва Церкви сливается во едино имена ея прежнихъ и нынѣшнихъ питомцевъ, не должно-ли имъ проникаться тѣми-же одушевленными славословіями, какъ нѣкогда братство Апостоловъ, собиравшихся во святой градъ на день Пятидесятницы? Но „*Тебѣ Господи есть правда, намъ же стыднѣе лица*“. Ибо въ то время, какъ на сегодняшнемъ торжественномъ актѣ будетъ читаться отчетъ о вѣншней жизни Академіи, наши Ангелы Хранители предъ лицомъ долготерпѣнія Божія читаютъ невѣдомыя никому

страницы, исписанныя отчетомъ о нашей внутренней жизни, объ ея постепенномъ очищеніи и одушевленіи или напротивъ — ожесточеніи и паденіи. Какихъ страницъ будетъ болѣе въ этихъ страшныхъ книгахъ?...

Впрочемъ не будемъ далѣе омрачать радости радующихся достойно, ни умножать печали унывающихъ, но спросимъ ихъ: на какую цѣну мѣняютъ послѣдніе сокровища служенія Христовой Церкви? какія блага міра сего удаляютъ ихъ сердца отъ одушевленной молитвы и общенія съ Господомъ? „Почто ты человекъ Меня оставилъ? говорить къ нимъ Христосъ: „почто Возлюбившаго тебя отвратился? Почто присталъ къ врагу Моему?. вмѣсто любви платишь ненавистью, вмѣсто Меня любишь грѣхъ!.. Но что же ты нашель во Мнѣ достойное отвращенія?“ (Изъ Твор. святит. Тихона).

Всмотримся однако въ истинную цѣнность тѣхъ приманокъ, которыя овладѣваютъ легкомысленными юношами и увидимъ, сколь жестоко обманутыми оказываются всѣ погнавшіеся за ними. Разумѣемъ здѣсь конечно не грубые пороки и страсти, не лѣнливую и вялую праздность, ибо такія печальныя явленія если и встрѣчаются въ чьей либо жизни, то развѣ въ качествѣ ненавистныхъ паденій, сопровождаемыхъ развѣдающимъ стыдомъ, тяжкими укорами совѣсти и сильнымъ противоборствомъ воли. Существуютъ болѣе тонкія обольщенія, удаляющія отъ Бога и Церкви юношей, не съумѣвшихъ проникнуть въ ихъ истинную сущность, тѣ обольщенія, при которыхъ неразумная юность покидаетъ свое призваніе въ ложной надеждѣ найти еще что-то лучшее, благороднѣйшее и полезнѣйшее, нежели служеніе вѣрѣ Христовой. Какъ ни странно такое нелѣпое стремленіе, но кто не встрѣчалъ его въ юномъ обществѣ? Куда же влекутъ они своихъ послѣдователей? Обыкновенно либо къ познанію, либо къ общественной дѣятельности.

Искусительный голосъ говорить питомцу духовной науки: сбрось съ себя путы богословія, гдѣ всѣ вопросы предрѣшены раньше твоего изслѣдованія, гдѣ нѣтъ мѣста для широкаго размаха мысли и свободнаго изслѣдованія дѣйствительности. Предоставь старикамъ рыться въ славянскихъ и греческихъ книгахъ, а ты ухватись за послѣднія слова мысли независимой; оставь длинныя богослуженія и

уединенную молитву, изучай лучше видимую природу и тогда вступишь въ ряды передовыхъ людей, дающихъ себѣ созпательный отчетъ въ каждомъ усвоенномъ убѣжденіи.

Многіе прислушиваются къ сему искусительному голосу и не спрашиваютъ себя, не требуетъ ли тотъ самый разумъ, котораго одного хотятъ они слушать, чтобы прежде рѣшительнаго приговора надъ пренебрегаемой вѣрой и Церковью, вникнуть въ ея ученіе, оцѣнить тѣ доводы, коими она себя защищаетъ противъ отрицанія. Такъ неразумны оказываются эти жалкіе искатели разумности, такъ слѣпо довѣрчивы къ учителямъ отрицанія являются тѣ, которые отказались отъ разумной провѣрки церковнаго ученія! Не разумъ и не наука похищаютъ отъ Церкви жертвы невѣрія, а нетерпѣливая погоня за произволомъ, то самое горделивое исканіе своеволя, которое вооружаетъ своихъ послѣдователей и противъ достойнѣйшихъ иногда родителей по плоти и противъ общей духовной матери нашей Церкви, лишь бы испытать свои силы помимо всякой посторонней помощи.

Какая участь ожидаетъ этихъ сыновъ противленія? Быть можетъ они въ самомъ дѣлѣ построютъ себѣ широкое, прочное и самостоятельное міровоззрѣніе, въ которомъ всякая истина найдетъ соотвѣтствующее мѣсто и всякая сторона жизни -- разумное освѣщеніе? Быть можетъ широта всесторонней образованности не хуже св. вѣры облагородить ихъ поведеніе и направить внутреннюю жизнь духа къ челоуѣколюбію и чистотѣ? Увы, какъ далекими отъ такихъ успѣховъ оказываются погнавшіеся за ними измѣнники Церкви! Большинство ихъ, только слегка прикоснувшись перстами къ независимой наукѣ, бросаютъ и ее, отдавшисъ погонѣ за житейскими выгодами и вспоминаютъ о самомъ существованіи какихъ-либо наукъ только тогда, когда имъ понадобится оправдывать свое отступленіе отъ живаго общенія съ Церковью. Но обратимся къ тѣмъ, очень немногимъ хулителямъ послѣдней, которые до конца жизни остаются при книгахъ: и здѣсь мы не увидимъ ничего привлекательнаго. Въ лучшемъ случаѣ отступникъ духовной школы втягивается въ какую нибудь ученую или литературную партію съ опредѣленнымъ направленіемъ, болѣе или менѣе равнодушнымъ или враждебнымъ вѣрѣ, но конечно еще болѣе враждебнымъ

тому разуму и безпристрастному, свободному изслѣдованію истины, за которымъ гнался неразумный юноша, заранѣе рѣшившій, что его можно найти вездѣ кромѣ Церкви. Теперь-же онъ предался своей односторонности и отупѣлъ настолько, что не можетъ даже и понять, до какой степени онъ плачевно обманутъ жизнью, обманутъ самъ собою! Зато посторонній наблюдатель ясно видитъ, что нѣтъ въ ученыхъ партіяхъ ни стройнаго міровоззрѣнія, ни широкой образованности, ни даже сознанія, чего ради стоятъ они за свое, кромѣ развѣ привычки, да ожесточеннаго самолюбія и неосмысленнаго недоброжелательства къ вѣрѣ. Кто видалъ этихъ упорныхъ партизановъ разнообразныхъ ложно-ученыхъ партій, на всѣ запросы критики отвѣчающихъ бранью или насмѣшкой или грубымъ искаженіемъ и затѣмъ осмѣяніемъ истинъ Откровенія, — тотъ согласится, что истинная широта міровоззрѣнія, совершенно свободная отъ какой-либо нужды замалчивать или искажать дѣйствительность, возможна только для сознательно вѣрующаго христіанина. Онъ пойметъ тогда, почему философы христіанскіе съ такимъ величавымъ спокойствіемъ и полною невозмутимостью духа не только не стараются закрывать глазъ предъ твореніями своихъ противниковъ, но тѣмъ большее количество ихъ усваиваютъ, тѣмъ сильнѣе одушевляются преданностью христіанскимъ убѣжденіямъ. Съ живою любознательностью выслушиваютъ они ученія отрицателей и отвѣчаютъ на нихъ, тогда какъ послѣдніе затыкаютъ уши, чтобы не слышать защитниковъ вѣры.

Итакъ, кто отвергается вѣры, ища разума и упорствуетъ въ своемъ противленіи, тотъ вмѣсто разума отдается въ руки безумія, т. е. тунаго коснѣнія въ односторонней партіи, часто не переживающей своихъ злополучныхъ послѣдователей.

Но есть и другой искушитель слабыхъ душъ, тѣхъ именно, которыя, не имѣя собственной твердой воли, думаютъ найти ее въ одномъ непослушаніи. Они говорятъ: тяжело быть вѣрнымъ сыномъ Церкви. Она меня стѣсняетъ, сковываетъ все мое поведеніе многочисленными постановленіями своей дисциплины. Поступивъ въ ряды ея служителей, я окончательно порабощу ей весь свой бытъ: и въ одеждѣ и въ пищѣ, и въ самыхъ движеніяхъ и словахъ, — все буду я

обязанъ одного избѣгать, къ другому стремиться, никогда не выходя изъ подъ этого ига. „*Ибо все заповѣдь на заповѣдь, заповѣдь на заповѣдь, правило на правило*“ (Ис. 28, 10). А между тѣмъ тутъ же около меня жизнь бѣсть ключомъ въ своихъ разнородныхъ проявленіяхъ, изъ коихъ ко многимъ даже приблизиться не дозволяютъ служителю Церкви. Выйду изъ подъ ея крыль, оставлю храмъ, посты и говѣнія, поступлю на гражданскую службу и тамъ узнаю жизнь во всемъ ея широкомъ разнообразіи и свободѣ и буду безъ всякихъ условныхъ стѣсненій служить добру и развивать всѣ прирожденныя мнѣ способности и силы.

Послѣдуемъ и за этимъ искателемъ. Можетъ быть онъ достигъ сравнительно высокаго положенія въ государствѣ, быть можетъ обогатилъ себя и обезпечилъ своихъ дѣтей средствами. Но достигъ ли чего желалъ, освобождая себя отъ руководительнаго вліянія Церкви? достигъ ли свободы и полноты развитія личности? стяжалъ ли широкое вліяніе на общественную жизнь и много ли принесъ общей пользы? Увы, всѣ ожиданія обмануты. вмѣсто ига благаго и легкаго бремени, вмѣсто условій церковнаго быта, пропикнутаго одною разумною цѣлью постоянного одухотворенія, — онъ наложилъ на себя узы свѣтскости, узы изолгавшагося, бездушнаго и холодно-вѣжливаго европеизма, подгоняющаго всѣхъ людей подъ одну мѣрку такъ-называемаго интеллигента, не имѣющаго права, а затѣмъ ужé и способности, ни съ кѣмъ и никогда подѣлиться своими искренними чувствами, противъ воли искусственно холоднаго даже съ своей женой и дѣтьми и такимъ образомъ всюду вносящаго духъ канцеляріи или гостиной, духъ мертвящій собою всякую жизнь и лишающій всякой радости искателей культурнаго наслажденія. Не широкое вліяніе на жизнь, но узкую стезю какого либо департамента они познали, да и въ частныхъ своихъ отношеніяхъ чувствуютъ себя одинокими. Да, не свободу нашли они, но рабство безчисленнымъ свѣтскимъ предразсудкамъ и суевѣріямъ. Что если-бъ хотя половину своихъ постоянныхъ безцѣльныхъ самоограниченій приложили бы эти люди къ образованію своей жизни по духу Церкви, къ подавленію гнѣва и чувственности, къ изученію слова Божія и добрымъ дѣламъ! Тутъ бы они

нашли ту широту истинной духовной свободы и мощнаго вліянія на жизнь, каковыхъ достигали подвижники истиннаго благочестія, какъ св. Златоустъ или Тихонъ Задонскій.

Но откроются ли когда нибудь очи, ослѣпленныя отъ дней юности? открываются скоро для того, чтобы познать свое заблужденіе, но рѣдко, рѣдко сохраняется у отпаднаго пастолько нравственныхъ силъ, чтобы, увидѣвъ себя прилѣпившимся къ жестокимъ гражданамъ чуждой страны и ядущимъ пищу свиней, вспомнить объ оставленномъ отеческомъ богатствѣ и возставъ идти въ родной домъ съ покаинною исповѣдью.

А посему, возлюбленные братья, пока вы еще здѣсь подъ кровомъ небеснаго Отца и Матери Божіей, не отвергайтесь его ни ради служенія страстямъ, ни ради обольстительныхъ искушеній, подобныхъ тѣмъ, которыя мы обличили. Спросите прежде себя, не гораздо ли лучше найдете вы здѣсь въ Божественномъ ученіи и въ жизни Церкви все то доброе, чѣмъ хочетъ хвалиться обманчивая жизнь міра. Не бойтесь того скромнаго и какъ бы уединеннаго положенія, которое отведено дѣятелямъ Церкви въ этой видимой вѣншней жизни. „*Тотъ, Кто въ васъ, больше того, кто въ міръ*“ (1 Ио. 4, 4), и блестящая вѣншность послѣдняго, его шумная и разнообразная жизнь, столь прельстительно бросающаяся въ глаза, есть не иное что, какъ поваленный гробъ, исполненный костей и всякой нечистоты (Мо. 23, 27).

Напротивъ наша жизнь въ пріискреннемъ единеніи съ Церковью необъятна по широтѣ и безконечна по времени. Въ живомъ чувствѣ, въ порывахъ вѣрующей молитвы и въ разумномъ усвоеніи Священнаго Писанія служитель и сынъ Церкви, хотя бы уединенный отъ другихъ по тѣлу, сознаетъ себя сожителемъ святыхъ и приснымъ Богу (Еф. 2, 19), сознаетъ себя служителемъ Его промысла, соработникомъ у Бога (1 Кор. 3, 9), исполненнымъ всякаго богатства духовнаго и сильнымъ, чтобы нести немощи безсильныхъ (Рим. 15, 1). Таково, братія, да будетъ ваше всегдашнее духовное настроеніе, чуждое зависти къ міру, но исполненное къ нему христіанскаго состраданія. Если будете держаться сихъ завѣтовъ, то собираясь во святыи храмъ въ день тор-

жества нашего церковнаго братства, будете преисполняться того высокаго духовнаго настроенія, которое приличествуетъ избраннымъ служителямъ Христовымъ, представшимъ Ему въ общей молитвѣ другъ за друга. Тогда со всею очевидностью постигнете нашъ неразрывный союзъ съ небомъ и въ живомъ чувствѣ взаимной христіанской любви будете ощущать незримое присутствіе среди насъ Пастыреначальника — Христа, сказавшаго: *аминь глаголю вамъ, яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будетъ има отъ Отца моего, иже на небесехъ*“ (Матѣ. 18, 19). Тогда, если не чувственными очами, подобно святому Андрю, то очами умными узрите Матерь Божию, распростершую надъ нами днесь омофоръ свой, покрывающую насъ покровомъ своего заступленія и окружающую сонмомъ всѣхъ святыхъ Ангеловъ и святыхъ челоуѣковъ, отъ небесныхъ круговъ молитвенно споспѣшествующихъ намъ въ великомъ и святѣйшемъ дѣлѣ—строеніи тѣла Христова. Въ сей вѣрѣ и въ семъ общеніи да укрѣпляетъ васъ Его всесильная благодать, всегда немощная врачующая и оскудѣвающая восполняющая. Аминь.

Архимандритъ Антоній.
